

Географическая привязка и этноязыковая идентификация летописной Югры

Проблема географической локализации и этноязыковой идентификации *Югры* (*Югричи*, *Югорская земля*) – народа и / или страны известного в русских источниках с XI в. где-то на крайнем северо-востоке новгородских земель, за *Печерой* (по крайней мере с сер. XIV в. – определённно в районе северного Зауралья и Нижнего Приобья), более двух столетий привлекает внимание исследователей. Особую остроту проблеме (со времён Энея Сильвия Пикколомини, сер. XV века и Матвея Меховского, нач. XVI века) придаёт связь её с мифологизированной темой азиатского генезиса венгров, подкрепляемая внешним созвучием более или менее искажённого русского слова *Югра* (лат. *Jugria*, *Juhra*) и названия венгров в средневековой латыни (*Hungri*, *Huhri*, *Hungari*) и в славянских языках (*угры*). Фраза “*Juhra inde Ungarorum origo*” на карте С. Герберштейна (1549 г.), в различных вариациях переносимая с одной западноевропейской карты на другую, является квинтэссенцией этой темы, дожившей в слегка модернизированном виде и вплоть до вполне научных работ некоторых венгерских исследователей конца XIX – первой половины XX века и в определённой степени сказывающейся на подходе многих финно-угроведов к данной проблеме до сих пор.

Др.-рус. *Югра* безусловно связано в первую очередь с коми *jegra* ‘(северные) ханты и манси’. Предположение о заимствовании из (древне)русского в коми маловероятно и по фонетическим, и по историко-географическим соображениям, но базируется на гипотезе о наличии собственно древнерусской этимологии для данного слова: *Югра* < *Угра* (такая форма эпизодически встречается в источниках) < др.-рус. *Угры* ‘венгры’ < общеслав. **ogŭr* ‘венгр’, которое отражает название болгарского племени *оногуров*, обитавшего в южнорусских степях в V-VI вв. = булг. **on-ogur* ‘десять *огур(ов)*’.

Хотя само по себе происхождение венгров от их общих предков с хантами и манси – носителей угорского праязыка не подлежит сомнению, вряд ли это обстоятельство могло быть известно новгородцам в XI веке, и, следовательно, причины переноса славянского названия венгров на *Югру* остаются непонятными. Различные объяснения этой странности, предлагавшиеся сторонниками данной гипотезы, также совершенно невероятны, и кроме того, как показывает анализ источников, в древнерусском безусловно первичной является форма *Югра*, а не *Угра*. На первичность формы с *j*- помимо анализа древнерусских документов и коми *jegra* указывают и восходящие как минимум к первой половине X века свидетельства арабских географов, о жившем на север от Волжской Булгарии народе *jū(γ)ra* – в данном случае форма с **ju*- происходит скорее всего из болгарского языка, куда могла попасть скорее не из пермского, а из древнерусского языка, что указывает на первичность древнерусской форму *Югра* с **j*-.

Таким образом, древнерусское *Югра* безусловно заимствовано из пермского (древнекоми) источника, и ни *Югра*, ни коми *jegra* не имеют никакого отношения ни к славянскому названию венгров (*угры*).

Коми слово *jegra* имеет параллель в удмуртском языке: удм. *egra* ‘*Эгра* (название удмуртского родового объединения, жившего в центре и на северо-востоке Удмуртии)’, и оба эти названия возводимы к ППерм **jōgra*, что ещё раз указывает на древность коми *jegra* и на его первичность по отношению к др.-рус. *Югра*. Поскольку, др.-рус. *Югра* встречается в документах с начала XI в., его источником должно было быть слово ещё сохранявшего своё единство пермского праязыка (точнее прапермского докоми диалекта).

Анализ сведений о Югре в русских источниках с 1032 г. (рассказ о походе новгородцев на Югру, и поражение их у «Железных ворот») по 1680 г. (основание Югорского наместничества на Нижней Оби, уже без упоминания Югры как особого населения) показывает, что в X–XI веках где-то на крайнем северо-востоке Восточной Европы или / и (скорее всего) на крайнем северо-западе Западной Сибири, в районе от верхней Вычегды и бассейна Печоры до нижней Оби и от верховьев Камы до Ледовитого океана, между пермянами (предками коми – др.-рус. *Пермь*) и самодийцами (предками ненцев – др.-рус. *Самоядь*) жило некоторое население, говорившее на особом языке (“Югра же людье есть язык нем”), которое, как и район его обитания пермяне называли **jōgra*. Название это дало в древнерусском форму *Югра* и было известно также в Волжской Булгарии, откуда попало на страницы арабских географических сочинений в форме *jū(γ)ra*. Более точная локализация этого населения и определение его этноязыковой принадлежности на основании имеющихся источников для X–XI вв. невозможна, и попытки такого рода выглядят не слишком убедительными даже для их авторов. Более того, в принципе возможно, что речь идёт не об отдельном народе, а об изначально смешанном населении, объединяемом только рамками какого-то территориально-политического образования – подобно более позднему населению *югорских* и *кодских остяцких* княжеств. Самое раннее внятное указание на местонахождение Югры в 1364 г. (рассказ о походе новгородцев на Югру) помещает её в нижнем Приобье, в районе, к которому привязаны упоминание о Югре и в дальнейшем на протяжении XIV–XVII вв. Хотя многими авторами неоднократно высказывалась и высказывается мысль о смещении этнической территории Югры с крайнего северо-востока Восточной Европы в Приобье, реальных оснований для этого предположения нет.

На протяжении XI–XIV вв. территория Югры была объектом колониальных экспедиций Новгорода, и с середины XIII века этим словом обозначают уже не только народ и страну, но и новгородскую *волость*. Во второй половине XV века, в ходе установления московского господства на крайнем северо-востоке Восточной Европы и в нижнем Приобье, завершившегося походом 1499 г., источники упоминают *югорских князей*, а *Югра* и *югричи* фигурируют в них наряду с *пельмскими вогуличами* и *Кодой* – то есть как название территориально-политического объединения и его населения.

В XV–XVII вв. (“Сказание о человецех незнаемых”, “Книга Большому Чертежу” и др.) название *Югра*, *югорский* обозначают уже как правило территорию или политическое объединение и явно не несут какой-либо этнической специфики. С этим перекликается и давно замеченная исследователями путаница в принадлежности некоторых западносибирских князей то к вогулам, то к югричам в описании событий 1483–1484 гг. Окончательное исчезновение *югорской* земли со страниц документов в течение XVII века знаменует собой скорее не ассимиляцию особого народа, *югричей*, а прекращение использования названия в силу того, что народ, от названия которого оно образовано, уже (может быть, в XV в.) исчез с исторической арены и / или политическое объединение, называвшееся по имени народа или именем которого назывался народ перестало существовать.

На основании значения коми *jēgra* ‘(северные) ханты и / или манси’, а также – того, что др.-рус. *Югра* применяется к населению земель, где в более позднее время жили манси и ханты, принято считать, что и изначально данное название должно было означать каких-то обских угров, скорее – северных хантов.

Принципиальное значение имеет, однако, то обстоятельство, что в ряде русских документов XVI века *югричи* упоминаются рядом не только с *пельмскими вогулами*, которых составляли в основном предки манси, но и с *кодскими*, *казымскими остяками*, в которых следует видеть в основном предков хантов. Данное обстоятельство однозначно свидетельствует о том, что в тот короткий период, когда в русских документах ещё

присутствуют *югричи*, и уже фигурируют *остяки* (с самого конца XV в.), русские различали эти две группы.

Старое объяснение этого, состоящее в том, что под *Югрой* (до появления *вогулов* и *остяков* на страницах документов) имелись в виду “обские угры в целом”, затем – северные манси и северные ханты, в отличие от других манси и хантов, а позже названия *вогулы* и *остяки* были распространены и на северных, вытеснив термин *югричи* абсолютно неприемлемо: до XVII века на Северной Сосьве, Ляпине и Нижней Оби жили (кроме ненцев и коми) либо только предки северных хантов, либо они же и *югричи* (неизвестный народ – ?), но не ханты и манси. То же обстоятельство, что многие пелымские вогульские (мансийские), югорские и кодские (хантыйские) князья во времена покорения Югорской земли Москвой в конце XV века называются то вогульскими, то остяцкими, то кодскими, то югорскими объяснимо, во-первых, их союзническими отношениями, во-вторых – тем, что речь здесь идёт не об этнических, а о территориально-политических единицах, а национальность самого князя и населения княжества не обязательно должна совпадать.

Если, таким образом, *Югра* X–XI (–XV?) веков – действительно некий особый народ, отличный от манси и хантов, следует ожидать, что его название должно было быть известно и обским уграм как какой-то экзоэтноним. В связи с этим ср.:

~ манс. *С jōrn*, СЛозь. *jōrèn*, Пел. *ōrèn*, Кон. *jōryèn ~ joryèn* ‘ненец’ (СЛозь., НЛозь. также – ‘северный манси’); СЛозь. *māns’-jōrèn* ‘сосьвинский манси’ (букв. ‘мансийский ненец’) < общеманс. **jāryān*;

~ хант. Вах *jāryan*, Вас. *jārkan*, Дем., Ко. *jārən*, Низ., Каз., Обд. *jōrŋ* ‘ненец’; (Фили на Иртыше) *jārān* ‘чудь’ (‘die Tschuden’) (из хант. или манс. → коми *jaran* ‘ненец’) < общехант. **jāryan* < (?) **jāryan*.

Реконструируется т. о. об.-угор. **jāryzn* (~ **jāyrzn*) ‘ненцы’, причём значение ‘чудь’ в филевском говоре хантыйского, и обозначение этим словом сосьвинских манси их южными соседями может указывать на то, что первоначально оно обозначало каких-то северных соседей обских угров, и лишь позднее было перенесено на ненцев.

Отделять об.-угор. **jāryzn* (~ **jāyrzn*) ‘ненцы; некий народ к северу от обских угров’ от ППерм. **jōgra* ‘обские угры; некий народ к (северо-)востоку от коми’ несмотря на некоторые фонетические трудности едва ли следует. Предполагать заимствование из пермских в обско-угорские языки по фонетическим критериям трудно. Поэтому скорее рассматриваемый этноним не мог быть заимствован из пермского языка в обско-угорские, и следует считать либо, что данное название было заимствовано из обско-угорского в пермский, либо, что оно было заимствовано независимо и в обско-угорский и в пермский из какого-то третьего языка. Пермское слово, ставшее источником для рус. *Югра*, таким образом, должно в любом случае рассматриваться как заимствование (из обско-угорских или неизвестного языка).

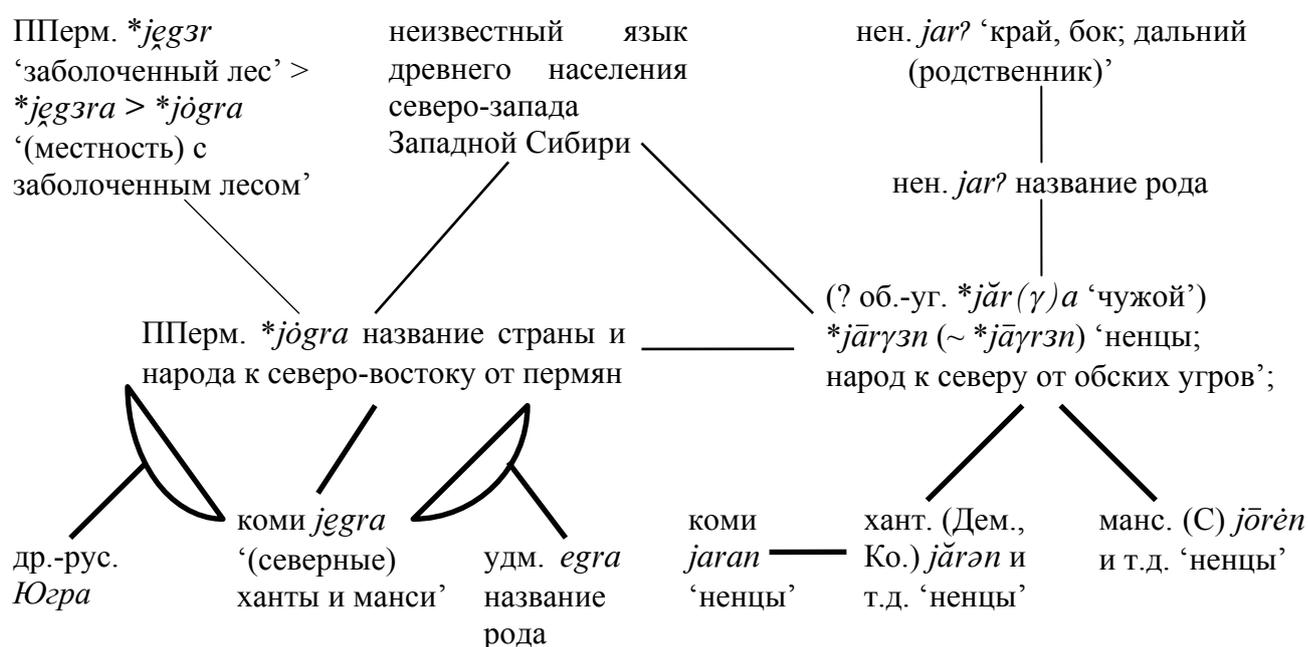
В первую очередь требует решения вопрос о происхождении обско-угорского **jāryzn* (~ **jāyrzn*): является ли оно в свою очередь заимствованием или имеет собственно обско-угорскую этимологию. В связи с этим вслед за П. Хайду представляется вполне возможным вывести обско-угорское **jāryzn* (~ **jāyrzn*) ‘ненцы’ ← нен. *jar?* ‘название рода’ < *jar?* ‘край, бок’. С другой стороны, нельзя исключать связь рассматриваемого этнонима и с хант. Дем., Ко., Цин. *jāra*, *jōra* ‘чужой, незнакомый, не родственник’. Семантика ‘чужой, незнакомый’ на Демьянке, Конде и Иртыше, может быть связана с отсутствием непосредственных систематических контактов этих хантыйских групп с ненцами на протяжении последних веков, и, кроме того, наименование соседних народов по модели “чужой” – совершенно естественно.

Если эти предположения верны, то придётся окончательно признать, что изначально интересующий нас этноним *Югра* не относился к обским уграм, а обозначал их северных соседей – предков ненцев, живших на севере Западной Сибири, куда предки обских угров

(собственно носители угорских диалектов) проникали с юга Западной Сибири, с территории угорской прародины.

Всё это, однако, будет справедливо лишь в случае принятия идеи о заимствовании пермского **jōgra* из обско-угорского **jārγzn* (~ **jāγrzn*). Х. Катцем была предложена собственно коми этимология для *jēgra* < коми *jēgīr* ‘болотистый лес’ + суффикс прилагательных *-a*. Проблема состоит в том, что из пермской формы нельзя вывести обско-угорские формы типа **jārγzn* (коми *jēgīr* было заимствовано в хантыйский: Каз. *ĵēGār* ‘болотистая низина, поросшая низкорослым сосняком’ – в форме, радикально отличной по вокализму от **jārγzn*), тогда как обратное заимствование возможно.

В нижеследующей таблице обобщены возможные лингвистические гипотезы и аргументы о происхождении этнонима *Югра*. Толщина и характер линий отражает степень вероятности той или иной этимологии. Естественно, что отдельные линии противоречат друг другу.

После раскопок на Нижней Оби двух городищ вымско-родановского типа: Перегребное I (XII – сер. XIII вв.) и Шеркалы I/2 (XI – сер. XII вв.), а также ряда других памятников примерно того же времени в Северном Зауралье с явными следами связей с вычегодско-верхнекамским населением или – скорее – его непосредственного присутствия стало ясным, что активное проникновение древних пермян, предков коми, на север Западной Сибири началось не позднее XI века. В связи с этим появилась гипотеза о пермской (древнекоми) этноязыковой принадлежности Югры. К сожалению, однако, приводимые её сторонниками аргументы весьма слабы и скорее дискредитируют эту гипотезу: названия средневековых городков и рек в Нижнем Приобье помимо коми названий имеют параллельные обско-угорские, причём в ряде случаев показать примат обско-угорского названия; данные коми и мансийского фольклора свидетельствуют лишь о давнем проникновении коми на север Западной Сибири, но никак не позволяют соотнести с ними Югру. Скорее напротив: в коми фольклоре различия между Югрой и самими коми, например, в тех же преданиях о Кудым-Оше, проводится достаточно чётко и т. д.

Однако факт раннего (уже в XI в.) проникновения пермян на югорские земли имеет огромное значение для дальнейшего исследования пермско-угорских взаимоотношений и этнической истории Урала и Западной Сибири в целом. В частности, эти данные заставляют

с особым вниманием отнестись к пермской этимологии для **jōgra*: теоретически допустимо, что предки коми, построившие в XI в. городки типа Шеркалы I/2, могли назвать освоенную и, вероятно, в той или иной степени контролируемую ими в Нижнем Приобье территорию **jēgzra* '(земля с) заболоченным лесом', откуда затем возникла форма **jōgra*, обозначающая территориально-политическое объединение, возникшее вокруг этих городков и население, жившее в пределах этого объединения – скорее всего полиэтническое и разноязыкое (это не снимает высказанных выше соображений об отсутствии среди югорского населения непосредственных предков хантов и манси). Произшедшее позднее изменение значения данного термина, отслеживаемое по источникам, и его постепенное исчезновение можно связывать не с исчезновением какого-то народа, а с прекращением политического влияния указанных центров и заменой его новгородским, кодским, пельымским, а в конечном счёте – московским господством. Однако и эта гипотеза встречает ещё по крайней мере два возражения: во-первых, она не объясняет сходства обско-угорского **jāryzn* (~ **jāryzn*) и коми *jēgra* (заимствование из коми, повторю, едва ли возможно); во-вторых, непреодолим анахронизм: самая ранняя датировка указанных древнепермских памятников в Нижнем Приобье - XI в., а название Югра фиксируется арабскими источниками уже в первой половине IX в.

С другой стороны, независимо от решения вопроса об этимологии интересующего нас названия, поскольку проникновения пермян в Нижнее Приобье датируется временем (XI в.), когда ещё сохранялись связи в рамках прапермского диалектного континуума, представляется хорошая возможность объяснить проникновение слова **jōgra* к удмуртам в виде названия рода *Эгра*. «Традиционная» точка зрения, состоящая в предположении о былом вхождении в состав удмуртов каких-то (обско-)угорских групп, принесших родовые названия *Эгра* и др. не может быть принята, поскольку противоречит целому комплексу фактов: не выявлено никаких следов былого пребывания обских угров на территории Удмуртии ни в топонимике, ни в языке или традиционной культуре удмуртов; теоретически можно допускать проникновение сюда лишь каких-то групп южных или западных манси – или, с юга, протовенгров, которые, во-первых, никак не соотносятся с *Югрой* (в коми языке *jēgra* – 'северные обские угры', в русских источниках южные и западные манси – *вогуличи* или *остяки*, но не *югричи*); рассматриваемый этноним (**jōgra* etc.) не является и никогда, насколько можно судить, не был самоназванием какой-либо обско-угорской группы, а применялся обскими уграми в отношении ненцев, которые (как и самодийцы вообще) в любом случае никогда не появлялись в Прикамье.

Тесные связи северных пермян – предков коми с нижеобским населением, существовавшие уже в XI веке, и непосредственное проживание каких-то (пра)пермских групп на нижней Оби должны были привести к распространению в их среде местных этно- и топонимов, которые могли использоваться и как личные имена, и как названия территориальных, социальных и родовых групп, связанных с этими районами. Понятно, что вследствие сохраняющихся связей нижеобских пермян с их европейскими родичами такие названия и имена могли распространиться в пермской среде и к западу от Урала. В ходе внутривермских контактов в XI–XIV веках эти названия (в виде пермских личных и родовых имён) могли беспрепятственно проникнуть и к южным пермянам, предкам удмуртов при переселении на территорию последних верхнекамских (древнекоми) групп, уходящих от христианизации. Данный вывод согласуется с предположением о сложении удмуртских родов *Чудья*, *Чудна* и возникновении их названий (← коми *śud'* 'некрещёные предки коми(-пермяков)' ← рус. *чудь* 'дорусское население Русского Севера') вследствие вхождения в состав древних удмуртов каких-то групп предков коми ещё в XIV–XV веках.

Возвращаясь к проблеме древней Югры, следует заметить, что сегодня едва ли следует спешить с определением её этнической и языковой принадлежности. Не исключено, что это были какие-то ранние парасамодийские (протоненецкие) группы, отличавшиеся от

(тундровых) ненцев как по языку, так и по хозяйственно-культурному типу, в силу чего коми, вступив в контакт с тундровыми ненцами не соотнесли с ними название *jegra*, а заимствовали вновь обско-угорское слово в его более поздней форме (типа **jarǝn*). Остаётся возможность и того, что коми *jegra* не является прямым обско-угорским заимствованием из **jārγzn* (~ **jāyrzn*) ‘северный народ; ненцы’ и служило первоначально для обозначения некоего неизвестного народа (точнее – района Нижнего Приобья, контролируемого в XI–XIII вв. пермским населением и населения этого района), из языка которого и происходят как обско-угорское, так и коми слово, и было перенесено на северных обских угров по чисто географическим причинам, как на северно-восточных соседей коми, занявших это место после ассимиляции Югры.

Следует, видимо, остановиться на наиболее корректной на данный момент формулировке: Югра X–XV вв. представляла собой население неустановленной этноязыковой принадлежности, не относящееся ни к собственно обским уграм, ни к пермянам, ни к собственно ненцам, при этом присутствие пермского компонента в составе Югры едва ли можно отрицать, наличие обско-угорского компонента – маловероятно, северносамодийского (но не собственно ненецкого) – возможно.